
Музей русской космософии: «философия действия» В.Н. Муравьева*

© 2021 г. А.А. Оносов

*Философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

E-mail: o.ksandr@yandex.ru

Поступила 04.04.2020

В статье исследуется фрагмент научно-философского наследия мыслителя-космиста *Валериана Николаевича Муравьева* (1885–1930). В работе предпринимается попытка содержательного раскрытия основных понятий «философии действия» как активного начала проекта общего дела Н.Ф. Федорова. В теоретической системе Муравьева действие является универсальным понятием, обобщающим различные виды связи и отношений между объектами разной природы. Возможность действия обуславливается структурным состоянием системы: для обладания активным потенциалом она должна быть неоднородным множеством, при этом Муравьев опирается на философские представления Парменида и математическую теорию множеств Г. Кантора. В статье раскрывается общая схема взаимодействия элементов активной системы, определяемых в философии действия как ипостаси, иерархическая структура моментов целесообразного действия. В философской концепции Муравьева с множественностью и действием неразрывно связано время. В работе прослеживается опирающийся на идеи А. Бергсона логический подход Муравьева к пониманию генезиса и структуры времени. Определяя время как предмет действия, его необходимый продукт, философия действия выдвигает задачу овладения временем.

Ключевые слова: В.Н. Муравьев, Н.Ф. Федоров, космософия, философия действия, общее дело, действие, множество, ипостась, время, овладение временем.

DOI: 10.21146/0042–8744–2021–1-150-159

Цитирование: Оносов А.А. Музей русской космософии: «философия действия» В.Н. Муравьева // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 150–159.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией», грант № 18–011–00953а.

Museum of Russian Cosmosophy: V.N. Muravyov's Philosophy of Action*

© 2021 Alexander A. Onosov

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
27–4, Lomonosovskiy prospect, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: o.ksandr@yandex.ru

Received 04.04.2020

The article deals with a part of scientific and philosophical heritage of Valerian Nikolaevich Muravyov (1885–1930), a thinker and a representative of Russian cosmism. The author of the article undertakes an attempt to explicate the major notions of the philosophy of action as the active principle of the common cause project by N.F. Fyodorov. In the theoretical system of Muravyov action is a universal notion which unites various connections and relations among objects of different nature. Basing on philosophy of Parmenides and mathematical set theory of G. Cantor Muravyov believes a possibility of action to be determined by the structure of the system: to possess the action capacity the system has to be a non-homogeneous set. The article reviews the general scheme of interaction of the active system elements which are defined as hypostases in the philosophy of action. The work also reveals the hierarchy of rational action points. Time is inseparably connected with set and action in the philosophical concept of Muravyov. The paper observes Muravyov's logical approach to understanding time genesis and structure resting on the ideas of H. Bergson. Defining time as an action subject, its obligatory output the philosophy of action sets a task of time takeover.

Keywords: V.N. Muravyov, N.F. Fedorov, cosmosophy, philosophy of action, common cause, action, set, hypostasis, time, time takeover.

DOI: 10.21146/0042–8744–2021–1-150-159

Citation: Onosov, Alexander (2021) "Museum of Russian Cosmosophy: V.N. Muravyov's Philosophy of Action", *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2021), pp. 150–159.

Надо говорить не только о мирозерцании, могущем быть пассивным, но о мироотношении, включающем действие целостного человека.

В.Н. Муравьев

Творчество Валериана Николаевича Муравьева (1885–1930) выражает идейный феномен, получивший в истории отечественной и мировой мысли определение как «русский космизм», философские, религиозные, научные и художественные линии которого заданы философией общего дела Н.Ф. Федорова. В настоящее время детальная событийная хроника жизни Муравьева, насколько она была доступна для архивного выяснения и верификации, отражена в работах современных исследователей его биографии [Аксенов 1998; Семенова 1993; Макаров 2003; Гачева 2011], выявлена полная

---

* The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18–011–00953a, "N.F. Fedorov. Encyclopedia with online version".

библиография его сочинений [Аксенов 1993], а идейное наследие философа-космиста «второго поколения» уже приобретает отчетливые очертания в работах историков философии [Аксенов 1992; Макаров 2002; Гачева 2011].

Учение «отца» русской космософии послужило «детонатором» научных и художественных исканий Муравьева, его теоретических разработок, определивших своеобразное пространство творческого напряжения мыслителя. Глубокий интерес Муравьева к *Cogrus supramoralis* Федорова не ограничивался умозрением и освоением его основоположений только лишь на теоретическом, «трансцендентном» уровне их восприятия. Муравьев стремился определить точку входа в «предприятие мировой регуляции», конвертировать задачи федоровского проекта в действительную, «имманентную» практику общего дела.

Преодоление разрыва между теоретической постановкой дела и его практическим исполнением делает необходимым поиск такого синтеза начал, в котором мысль «...была бы неразрывно связана с делом... все время по мере своего выражения максимально осуществлялась бы», а действие «...было бы все время направляемо и подчиняемо мысли» [Муравьев 2011 2, 662]. Сосредотачиваясь на выработке такой методологии, которая, по замыслу, должна выразиться реальным движением дела в русле федоровского проекта, Муравьев сознательно акцентирует внимание именно на *делании* как практическом исполнении этого дела. Философский анализ содержания и форм проективного действия, единичного *акта действия* в его интегральной полноте с *актом мысли*, привели космиста к разработке системы представлений, базирующейся на понятии действия. Он намечает начала прикладной философии, задача которой заключается в том, «...чтобы дать дифференциальную форму для каждой действующей личности и для каждого момента ее действия и интеграл всеобщего действия мира» [Там же, 87]. Таким образом, Муравьев стремится философски разработать и содержательно раскрыть звучащий рефреном в учении Федорова призыв к «великому синтезу» теоретического и практического разумов – той необходимой для решения «вопроса о смерти и жизни» [Федоров 1995, 395, 410] неразрывности мысли и дела, которая синтезирована в учении Федорова в форме проекта. Муравьев фиксирует свой подход в названии таким образом фокусированной системы взглядов – *философия действия*.

В конечном счете, основой и самой философии в ее должно-активном статусе он полагал именно действие: «...задача заключается... в том, чтобы из данного нам действия вывести основную первую философию. Такая постановка вопроса сразу дает философии твердый базис, ибо принципы действия не постулируются нами, а даны нам во всех окружающих нас явлениях и в нас самих» [Муравьев 2011 2, 328]. Определяя понятие действия как центральную категорию своей теоретической системы, Муравьев отмечал факт из истории философской мысли: она «...упорно отказывается мыслить действие» [Муравьев 2011 2, 298]. Отмечая вклад отдельных мыслителей, начиная с «непревзойденного отца философии» Аристотеля, он не обнаруживает философского анализа категории действия, ее развернутого определения, но лишь уклончивые формулировки. Признавая всеобщность действия как проявления фундаментального свойства мира, Муравьев констатировал, что «...до сих пор нет философии действия», тогда как «...такая философия должна бы дать анализ действия и через исследование принципов, заключенных в развитии любого действия, раскрыть общие законы действия, совпадающие с общими законами мироздания» [Муравьев 2011 2, 328]. В философии действия само действие, являющееся смыслогенерирующим представлением всего теоретического построения Муравьева, изначально специфически понимается как «...достижение известных практических результатов, соответствующих заранее намеченному... мыслью проекту» [Муравьев 2011 2, 295]. Причем, возможность действия обнаруживается как несомненная достоверность через его результаты даже в условиях полной неопределенности знания о природе и структуре совершаемого действия.

«Философии действия», к сожалению, не получила системного изложения как целостное и завершенное теоретическое построение; сохранились лишь тематические

наброски, содержащие предварительную логическую схему; отдельные фрагменты незавершенной работы были вкраплены в другие произведения мысли Муравьева.

Действие, в концептуальной схеме Муравьева, — «...та ткань, из которой соткано все существующее», оно «...первоначально и самодвлеющее», даже «...всякое ощущение и всякое рассуждение есть действие» [Муравьев 2011 2, 289]. Таким образом, «действие» – универсальное понятие, обобщающее различные виды связи и отношения между объектами разной природы, и в такой смысловой определенности оно сближается с другой категорией философии – «движением», мысленно высвеченным именно в его активном аспекте. Действие есть атрибут всякого объекта, включая идеальные; вслед за гетевским Фаустом, Муравьев утверждает: «В начале было Дело», а не Слово или даже Мысль. «Действие никогда себе не тождественно. <...> Действие всегда единично и ново», оно обязательно конкретно.

Возможность действия обусловлена структурным состоянием системы: она должна быть представлена в виде *множества* элементов, между которыми могут устанавливаться отношения как потенциальное взаимодействие, и это множество должно быть *неоднородным* (различие элементов как поляризация их свойств и качеств). Без множественности никакие взаимодействия возникать не могут. В пределах однородной системы никакое действие осуществлено быть не может, поскольку элементы неразличимы и, следовательно, лишены потенциала отношений, являющихся общим выражением момента взаимодействия: в этом случае «есть нечто одно, остающееся в состоянии покоя, из которого его ничто не выводит» [Там же, 329]. Функциональным носителем всякого действия является отношение, которое возможно при наличии «единичных» субъектов взаимоотношения. Таким образом, действие является свойством структурно организованного множества элементов, способных к взаимоотношениям и, следовательно, к взаимодействию. Каждый элемент множества, в свою очередь, тоже есть множество иных элементов, а мир в целом – это бесконечная реальность множества множеств. Такое представление было выстроено в философии действия на фундаменте математической теории множеств Г. Кантора.

В концептуальном представлении о структуре бытия Муравьев исходит из древнеэлейского учения о Едином сущем, которое может проявляться в бесчисленных формах. Единое Парменида, «...умноженное и заключающее в себе все возможности» сущее – это, по мысли Муравьева, «...единое сознание, ставшее многогранным, лик, сделавшийся многоликим»; а каждый «лик» Единого – его отдельная и особая ипостась, представляющая единичное сознание. Безыпостасное Единое есть Бог; когда же Единое проявляется множеством отдельных личных выражений его сущности, – оно обнаруживается «...как многие сознания, в своей совокупности образующие мир». Таким образом, в логике философии действия, множественная система есть Единое, элементы системы – его ипостаси, «сознания-ипостаси» [Там же, 308, 309, 326].

Необходимость оперирования такого рода объектами-сущностями подтолкнула Муравьева к самостоятельному конструированию логического инструмента нового класса – неклассической множественной логики, названной им *ипостасийной*. Основанная на отношении всеединства, выраженном генеральным принципом «tat twam asi» («это тоже ты»), «ипостасийная логика» должна, по замыслу Муравьева, представлять возможность на абстрактном уровне «исчислять» соборно-ипостасийные множества, оперировать базовыми понятиями «ипостасийности», «соборность», «Единое». Это теоретически новаторская концептуальная разработка, начатая «логическим воображением» Муравьева, не получила законченной формализации.

Сознания-ипостаси изначально тождественны и взаимовключены, в каждой ипостаси раскрывается вся полнота и глубина Единого, то есть каждое сознание-ипостась равносущна любой другой, какой-либо их констелляции и всей целостности Единого: каждое из них есть Единое – весь мир – в особом его проявлении. Таковы основоположения ипостасийной логики, операционный органон которой был использован в теоретической конструкции философии действия. Опираясь на идеи Плотина, ипостасийная логика постулирует, что «...что каждая вещь есть всё. Частей нет, а есть

только ипостаси. Закону противоречия предшествует закон тождества. Все отдельные существа оказываются аспектами или модусами единой сущности единого. Многое, чтоб быть, должно быть едино. <...> Единое, чтобы быть, должно быть многим» [Муравьев 2011 2, 306]. Из логического принципа тождества проявлений сущего Муравьев делает выводы «в пифагорейском смысле»: «я включаю все индивидуально – я разнообразие всего», «личность есть *universum* и пределы ее – пределы мира» [Там же, 306, 307]. Этим определяется – как возможность и как творческая обязанность – «завоевательно-наступательное» действие на мир: обуздать безвольное, принудительное время собственным, связанным с процессами целесообразного преобразования мира.

Вместе с тем, ипостаси-сознания, будучи внеположны, являются отдельными сущностями, различающимися качественно. Каждая ипостась имеет свое особое выражение Единого, свое личное имя и самосознание, проявляемое в согласованном с другими «ритме», и может вступать в отношения, взаимодействовать с другими сознаниями-ипостасями, с «централизованным» сознанием Единого в выработанном и присущем последнему общесистемном ритме. «Установление общего ритма есть единственный способ взаимовлияния и взаимодействия нескольких ипостасей-сознаний» [Там же, 310]. Тактирование ипостасей гармонизируется опытом их взаимодействия. Подчинение новых объектов из внешнего окружения (за исключением случаев их добровольного и сознательного присоединения к активирующей системе) характерному системному ритму, то есть превращение этих внешних элементов в ипостаси-сознания расширяющейся системы, и называется действием.

В структуре отношений действующей системы Муравьев выделяет два необходимых элемента: «...субъект действия, или деятель, и объект действия, или материал». Функциональное определение какого-либо элемента в качестве *деятеля* происходит в результате инициативного и сознательного самоутверждения этого элемента как самодовлеющего начала и причины действия, обязательно устанавливающего при этом пределы своей активной субъектности [Там же, 330, 312].

Философия действия признает сквозной активизм в мире на всех уровнях проявления его организованности, характеризующихся различными степенями и видами ответственности: действует все, что существует, «ибо быть – значит действовать» [Там же, 289]; в высшем потенциале разнообразия, полноты и могущества действия, это Все может быть названо Богом. Мир в такой функциональной динамике представляет собой иерархию конкретных объектов и связанных с ними конкретных же – не отвлеченных, а «этих» – действий разного характера, содержания, направленности и масштаба. В многообразии частных форм активности философия действия сосредотачивается на суперпозиции элементарных, связанных с функционированием отдельных объектов, действий, являющихся проявлением сил различной этиологии. Так возникает интегральный эффект целостного действия, например, действия человека, как обеспечиваемое участием разума сочетание и гармонизация всех его отдельных органов, способностей. Познание социальных форм действия, в которых происходит коллективный сплав, синтез множества персонально-единичных действий, призвана осуществлять социология – «наука о соборности», – которая, по Муравьеву (и в этом он вторит О. Конту), «предполагает и включает все другие науки». При этом Муравьев убежден, что «...только в области соборности, в масштабе человеческих отношений проявляются все способности человека» [Там же, 290].

Исследуя и раскрывая структуру целесообразного действия, Муравьев обнаруживает два иерархически связанных компонента. Это, прежде всего, теоретическое знание, являющееся первой фазой действия, в которой познание может проявляться и независимо от практического содержания какого-либо действия (как «чистое» знание), но без которой структура действия будет неполна. Вместе с тем, там, где есть только теоретическое знание, «...действия в полном виде нет» [Там же, 296]: оно осуществлено частично и является лишь одним из его моментов. Для целостности и завершенной полноты действия необходим второй компонент – внешнее взаимодействие

со средой, поскольку результаты действия выражаются изменением, преобразованием среды в каком-либо смысле.

Изучение действия в рамках предложенной Муравьевым логической модели открывает, помимо прочего, возможность понимания самого знания, поскольку последнее необходимо для совершения действия и его предвещает на теоретическом этапе. В такой схеме знание о мире тоже служит моментом действия – мировоздействия «философствующего человечества» (как субъекта действия) на мир (как объект действия), в результате которого человек овладевает миром, то есть, в конечном результате, совершается «превращение мира в человека» [Муравьев 2011 2, 297]. Можно выработать знание о мире, не овладев им, но невозможно овладеть миром, предварительно не познав его – такова логически прозрачная иерархия теоретического и практического начал в их взаимосвязи. Знание должно обладать необходимой полнотой для обеспечения действия, но одной полноты и целостности теоретического представления недостаточно: в активной форме оно должно быть ориентировано на практическую реализацию, уже изначально быть «знанием-действием». В целостном акте отношения к миру, последовательно осуществляющем оба необходимых момента действия, его содержание определяется как превращение объекта в субъект, то есть как преобразование материала в деятеля: «...весь мир должен быть превращен в действующего субъекта. Другими словами, должно произойти преобразование материи в новый состав, одаренный сознанием» [Там же, 307].

В обобщенной схеме полное – целостное и завершенное – действие распадается на три момента, которые также могут быть классифицированы как *внутренние* или *внешние*. Первый, внутренний момент действия (или момент внутреннего действия) – *проективный синтез*, который может осуществляться в нескольких дифференцированных формах. Это предварительный этап действия, на котором осуществляется «чистое самосознание или самосозерцание», которое, поскольку каждая ипостась есть Единое, можно назвать «диалектическим и математическим постижением основ бытия», порядка «умножения Единого». Затем – участие каждой ипостаси в согласовании частных ритмов для выработки общесистемного, соборного ритма и в определении равнодействующей внутренних сознаний всех отдельных ипостасей. Наконец, выработка проекта *внешнего* действия, расширяющего *внутреннее* действие на внешний материал, объект: «...принимаются во внимание все свойства материала и строится план овладения им» [Там же, 331, 314–318]. Таким образом, каждое действие имеет свой проект, который, по представлениям Муравьева, есть внутренняя философия этого действия.

Вторым моментом действия является *внешний, практический синтез* – центральный и главный этап преобразования объекта субъектом, на котором «...объекту придается форма, спроектированная деятелем и предуказанная установками. Объект присоединяется к субъекту, в результате чего создается новый субъект или же сам объект получает новый облик» [Там же, 332].

В третьем моменте действия осуществляется *контрольный синтез* как внешняя процедура. Это заключительный этап полного действия, аналогичный первому, на котором методом «обратного проектирования» проводится сверка осуществленного идеала с его первоначальным проектом и составляется «дефектная ведомость» результата. «В результате контрольного синтеза получается расширенное знание, новый проект» [Там же, 333].

Всякое действие неразрывно связано с другим фундаментальным проявлением реальности – временем, и потому время как сопряженная категория оказалось «под микроскопом» философской мысли Муравьева. Он творчески усваивает идеи А. Бергсона о конкретной длительности («*durée concrète*»), «тождественности времени и реальности» [Бергсон 2015], используя эти представления для выработки понимания сущности времени как производной «приливов и отливов действия» [Муравьев 2011 2, 290]. Задача, выдвигаемая философией действия в отношении времени, в своем творческом «богатырстве» превосходит дерзость Прометея и заключается в том, чтобы перевернуть

традиционное представление о времени – его генезисе и природе: «показать, что не время обуславливает действие, но, наоборот, в самом действии творится время. Оно возникает как результат и следствие действия». Поскольку человек является субъектом действия, постольку он неизбежно уже является и творцом времени. «Мы его творим» [Муравьев 2011 2, 320]. Сосредотачиваясь на разрешении задачи теоретического обобщения творческого субъективизма человека в отношении времени, философия действия развивает неклассическое представление о времени, его источниках и онтологической функции. Оно состоит в том, что само время возникает во втором моменте действия как продукт практического синтеза, в процессе расширения действующей системы за счет вхождения в нее новых элементов и присоединения к ней внешнего материала, обращения последнего в сам субъект действия [Там же, 336, 322].

В философской системе Муравьева множественность, действие и время образуют трехосновный понятийный композит: множественность служит природной основой действия; действие творит время, тем самым овладевая им и преодолевая его принудительный характер; время – атрибут актуальной множественности, ее функция. Ключевой темой и смысловым реактором действенного, активного мирозерцания становится отношение ко времени. Внося высшее сознание в действие, можно преодолеть время, уйти от него, но «...только войдя в него, став его частью», тогда как отвлеченная мысль, в пассивном мирозерцании пытаюсь достичь вневременности, обрезают мир на неподвижность и смерть [Там же, 290]. Прежние философские системы, делает вывод Муравьев, были приурочены «...к неподвижному вневременному единому. Философия же действия, наоборот, должна быть вечно движущейся, живущей вместе с жизнью диалектически, развивающейся вместе с действием. Только тогда, будучи во времени, она сможет время одолеть и преодолеть изнутри, как выросшее из него его осознание» [Там же, 87].

Анализ процесса овладения временем философия действия начинает с внутренне-го акта, осуществляемого в рамках *проективного* синтеза, то есть в системных «недрах» самого действующего субъекта, который множествен и многоличен, структурно представляет собой соборное единство. В этом случае во внутреннем моменте действия в процессе проективного синтеза должно быть осуществлено предварительное согласование действий всех отдельных его единиц – ипостасей этого соборного целого. Во множественной и многосвязной системе элементов каждая из взаимодействующих ипостасей, реализуя внутренний качественный потенциал, изначально развивается в своем, присущем только ей времени, генерирует свой поток времени. В процессе активного отношения субъектов возникает проблема согласования (а в императивной постановке – подчинения) частных времен, связанных с функциональными проявлениями отдельных ипостасей, с общим временем, генерируемым в ходе целесообразного развития доминантным субъектом, представленным одной или несколькими «центральными» ипостасями-сознаниями, в его интересах. Такое согласование или подавление/подчинение внешнего, внесубъектного, то есть принудительного для активного элемента-ипостаси времени и составляет содержание действия.

Данная теоретическая модель «рождения времени» – время-действия – валидна и для описания внешнего действия, осуществляемого в рамках *практического* синтеза. Происходящая в этом процессе экспансивная «интериоризация», присоединение внешнего объектного мира, обладающего собственным – внутренним, осуществляемым вне воли субъекта действия и потому «принудительным» по отношению к нему – ходом времени, в состав творящего субъекта, вызывает сопротивление охватываемой и вовлекаемой во взаимодействие материи и, следовательно, необходимость преодоления ее природного времени. В процессе поглощения объектности субъектностью последняя присоединяет это время и овладевает им, подчиняя объект своей воле и преобразовательному действию и делая его время подвластным себе. Иными словами, существование и необходимое преобразование инкорпорированной, «обвнутренной» материи происходит уже во времени, свойственном поглотившему ее субъекту; развитие подвластного объекта подчиняется системным целям и задачам субъекта, осуществляется в русле его

эволюционного процесса. Субъект именно таким образом расширяется, в пределе до всего мира, постепенно поглощая внешнюю объектность и присоединяя, включая ее в свой состав. Структурно поглощаемые объекты утрачивают собственное, «внешнее» время, которое становится их прошлым – историей их былого времяавлствия. Их настоящее время – системно-подвластное время преображенного бытия в соборном союзе субъекта действия. Их будущее определяется соотношением этих времен: «...временем внешним, превращающим его в прошлое» и «...временем подвластным, превращающим его в вечное настоящее (вечное в смысле возможности его воскрешения)» [Муравьев 2011 2, 305].

Всякое конкретное действие продуцирует и несет в себе конкретное время, всегда являющееся *настоящим*. «Действие есть другое название для настоящего. Настоящее может быть только в действительном и действии только в настоящем» [Там же, 290]. Вместе с тем, актуально-действительное настоящее включает в себя прошлое и будущее, то есть выражается *множественностью времен*: проявляясь реально всегда и только в виде *настоящего*, время есть явление соборное, воссоединяющее в себе *прошлое* и *будущее*, времена всех эпох и эонов и все частные времена отдельных процессов. В таком представлении прошлому, как достоверно уже сбывшемуся времени, в философии действия приписывается совершенно исключительное значение: «все прошлое есть совершенно и свято»; именно прошлое и является основой для возделывания будущего, которое во временном ряду истории обнаруживается как еще остающееся невоскрешенным прошлое, застывшее «в богатстве законченных форм». Исходя из такой оценки, воскрешение является наиболее полной формой преодоления времени. В предельном логическом переходе «будущее есть прошлое» [Там же, 292–293, 558], что незамедлительно приводит философию действия к признанию необходимости деятельного отношения к прошлому как цели исторического развития и к постановке задачи активного культивирования – на основе минувшего – будущего в настоящем времени, то есть именно задачи *проектирования* иного онтологического состояния мира. В этом и состоит настоящее: и как время, и как действие – как подлинность, «настоящесть» переживаемого момента жизни и его актуальное содержание. Общество, включающее поколения всех исторических эпох, всех живших во всей толще исторического времени, тоже является геоисторическим соборным целым, в котором преемственность и единство человечества непрерывно осуществляется действием, то есть по формуле Муравьева, – *настоящим*. Именно исходя из уравнения «действие есть настоящее», «...первым законом действия является необходимая его преемственность» [Муравьев 1998, 41]. Тесная взаимосвязь времен, а значит и объектов, соответствующих этим временам, обеспечивает присутствие прошлого в настоящем, а значит и его перевоплощение в будущее: «...вещь из настоящего начинает переходить в будущее, т.е. меняться. В этом и заключается действие» [Муравьев 2011 2, 293].

В философии действия время является определением предмета действия, и в соответствии с таким порядком методологическая дисциплина требует для всего познаваемого «прохождения через время», в потоке которого и выстраивается рассуждение, формируя гносеологическую модель. Такой логический вектор философии действия, по признанию самого Муравьева, может представляться «...странной ересью для мыслителя, привыкшего о некоторых предметах рассуждать вне времени». Философия действия посягает на сами философские традиции и ставит под сомнение «пагубный метод» деления познаваемых явлений на класс умопостигаемых и чувственно постигаемых, выдвигая в качестве объекта познания единую, но разнородную множественность, «грубое смешение идей и явлений». Столь смело декларируемый синкретизм получает объяснение и оправдание тем, что всякий объект – предмет, идея и т. д. – определен во времени: если нечто существует – неважно, в опредмеченном ли виде, или же в виде отвлеченной идеи, некоторого представления, – то тем самым оно уже привязано во времени, укоренено в нем самим своим наличием. Всякое отступление от этого принципа, по мнению Муравьева, вместо философии требует уже веры – в то что, это нечто существует (а между тем, самим указанием «это» мысль признает

существование не отвлеченного, а конкретного, во времени определенного носителя данной «этости»), и тогда каждая мысль должна сопровождаться не только апперцепцией «я мыслю», но признанием «я верую» [Муравьев 2011 2, 294–295].

Идейная тема овладения гераклитовым потоком слепого времени и самостоятельного времятворчества прорисовывает один из наиболее парадоксальных векторов творческих исканий Муравьева, получивших выражение в его единственной (помимо статей на общественно-политические темы) прижизненной публикации [Муравьев 1924]. К постановке и попыткам решения этой прометеанской задачи мыслитель подходил, теоретически вооружившись входившими тогда в научное представление четырехмерной моделью пространства-времени и теорией относительности, в сопряжении которых формировалась генерализованная концепция относительности и множественности 4D пространства-времени Пуанкаре-Минковского-Эйнштейна.

Муравьев разрабатывал философию действия как прикладной, научно-практический раздел философии общего дела, углубляющий и теоретически обосновывающий методологию реализации федоровского проекта онтологического преобразования мира. Такой подход задает вектор, определяемый триадой: *дело* (проект, задание) – *действие* (реализация проекта, выполнение задания, то есть «делание дела») – *действительность* (действительность уже *новая*); в целевой точке триады исходная действительность достигает совершенного претворения, как закономерного результата действия, исполняющего общее дело. Философия действия в этой триаде выступает в качестве связующего, передаточного звена «сторожевой» цепи супраморалистического долга, сочленяющей проективную идею о благобытии с пока еще проективной же действительностью, как полного деонтологического раскрытия проекта общего дела. Философия действия, по замыслу Муравьева, тематически как бы выходит из философии общего дела, чтобы, получив теоретическую самостоятельность, снова вернуться – теперь уже в строгом методологическом облачении – в исходную парадигму, как ее активный принцип и само действительно исполняемое дело. В этом смысле, категория действия эксплицировалась Муравьевым как своеобразное выражение «силы мысли», материализации идеи, или, по Федорову, проявленный «материализм управления материей» [Федоров 1999, 69], транспонирующий метафизический и физический планы бытия, превращающий умозрение в объективную реальность, гипотетические и чудесные связи – в реальные онтологические константы и фундаментальные космологические взаимодействия, определяющие мир.

Пик творческой активности Муравьева относится к периоду «на грани русской истории», когда постреволюционное творчество «нового мира» из аварийного режима стало входить в ритм планомерного государственного строительства и начали проступать очертания нового онтологического ландшафта России. Воспринимая и осмысливая возникающую реальность в идейной атмосфере федоровского учения, он вводил и обосновывал ключевые понятия философии действия в попытке, в том числе, адаптировать выдвинутые космофией задачи к практике преобразования устаревшей и отжившей эмпирии жизни, как концептуальное обоснование системно-всеобщего характера деонтологического культивирования проективной действительности. Муравьев формулирует первый закон культурного делания жизни и времятворчества: *личность завладевает той частью времени, которое ей доступно, и стремится расширить его область* [Муравьев 2011 1, 162] (примечательно, в таком определении угадывается логический параллелизм с более поздней формулировкой В.И. Вернадским *биогеохимических принципов эволюции биосферы*).

Муравьев наметил ряд тематических векторов дальнейшей теоретической разработки философии действия («элементы действия и его динамика», «виды действий», «система действий», «мессианские акты и настоящее», «литургическая культура будущего» [Муравьев 2011 2, 298]), но эти творческие планы мыслителя-космиста остались нереализованными.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

- Бергсон 2015 – Бергсон А. Творческая эволюция. Москва: Академический проект, 2015 (Bergson, Henri, *L'Évolution Créatrice*, Russian translation).
- Муравьев 1924 – Муравьев В.Н. Овладение временем как основная задача организации труда. М.: Изд. авт., 1924 (Muravyov, Valerian N., *Mastering Time as the Main Task of Labor Organization*, in Russian).
- Муравьев 1998 – Муравьев В.Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998 (Muravyov, Valerian N., *Mastering the time. Selected Philosophical and Journalistic Works*, in Russian).
- Муравьев 2011 – Муравьев В.Н. Соч. В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011 (Muravyov, Valerian N., *Collected Works*, in Russian).
- Федоров 1995 – Федоров Н.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. I. М.: Издат. группа «Прогресс», 1995 (Fedorov, Nikolai F., *Collected Works, Vol. 1*, in Russian).
- Федоров 1999 – Федоров Н.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999 (Fedorov, Nikolai F., *Collected Works, Vol. IV*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

- Аксенов 1992 – Аксенов Г.П. Времявластие (О Валериане Муравьеве и его философии) // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 89–97.
- Аксенов 1993 – Аксенов Г.П. Время не властно над именем // Библиография. 1993. № 1. С. 93–105.
- Аксенов 1998 – Аксенов Г.П. Искатель последней правды // Муравьев В.Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 3–21.
- Гачева 2011 – Гачева А.Г. Валериан Николаевич Муравьев // Муравьев В.Н. Соч. В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. С. 3–43.
- Макаров 2002 – Макаров В.Г. Муравьев В.Н.: Очеловеченное время // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 100–128.
- Макаров 2003 – Макаров В.Г. «Относясь сочувственно к существующему строю...» Следственное дело 1929 г. философа-космиста В.Н. Муравьева // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 97–109.
- Семенова 1993 – Семенова С.Г. Валериан Николаевич Муравьев // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 185–190.

References

- Aksenov, Gennady P. (1992) “Time Power (About Valerian Muravyov and his philosophy)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1, pp. 89–97 (in Russian).
- Aksenov, Gennady P. (1993) “Time has no power over a name”, *Bibliografiya*, Vol. 1, pp. 93–105 (in Russian).
- Aksenov, Gennady P. (1998) “Seeker of the Last Truth”, *Muravyov V.N. Mastering the time. Selected Philosophical and Journalistic Works*, ROSSPEN, Moscow, pp. 3–11 (in Russian).
- Gacheva, Anastasia G. (2011) “Valerian Nikolaevich Muravyov”, *Muravyov V.N. Collected Works*, Vol. 1, IMLI RAN, Moscow, pp. 3–43 (in Russian).
- Makarov, V.G. (2002) “Muravyov V.N.: Humanized time”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4, pp. 100–128 (in Russian).
- Makarov, V.G. (2003) “Relating sympathetically to the existing system...” An investigation by 1929 of the philosopher-cosmist V.N. Muravyov’, *Otechestvennye arkhivy*, Vol. 1, pp. 97–109 (in Russian).
- Semenova, Svetlana G. (1993) “Valerian Nikolaevich Muravyov”, *Russian Cosmism: Antology of Philosophical Thought*, Pedagogika-press, Moscow, pp. 185–190 (in Russian).

Сведения об авторе

ОНОСОВ Александр Аркадьевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

ONOSOV Alexander A. – CSc in Philosophy, Leading Researcher, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.